

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И НЕОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Атырауский институт нефти и газа, Республика Казахстан

Понятие прецедентности непосредственно связано с процессом понимания текста через способность к перестройке тезауруса знаний адресата (текст же при этом самоуничтожается в процессе восприятия), а также с процессом отражения в сознании адресата воспринятого текста, который, включаясь во вновь порождаемые тексты в виде трансформаций или прямых цитат, принимает активное участие в формировании концептосферы языка.

Подобные тексты обозначаются современной лингвистикой как прецедентные. Впервые ввел данный термин в научную практику Ю.Н. Караулов, который называл прецедентными тексты “(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности” [4, 105].

Прецедентный текст вызывает в сознании носителей языка уникальную систему ассоциаций. Такую включенность в ассоциативные связи Г.Г. Слышкин предлагает называть “аспектами прецедентности”, которые могут быть связаны с личностью автора, принадлежностью к исторической эпохе, сюжетом, наиболее впечатляющими отрывками, величиной текста, особенностями авторской стилистики, историей написания и т. д. В структуре концепта прецедентного текста также предлагается выделять внутритекстовые и внетекстовые аспекты прецедентности. В первом случае – это название, отдельные отрывки, имена персонажей, а во втором – время и ситуация создания, отношение к тексту со стороны социальных институтов [6].

Таким образом, прецедентность текста понимается как любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы. Прецедентным может быть текст любой протяженности: от пословицы или афоризма до эпоса.

В недрах прецедентного текста в результате текстовой редукции выделяются словосочетания или фразы, которые “аккумулируют прецедентность этого текста”, являясь его символом (1), или отрываются от текста-источника в силу универсальности своего содержания

(2), или опираются на конкретную ситуацию, имя исторического автора (3) [5].

Фразеологические единицы (ФЕ), являясь яркими представителями таких прецедентных высказываний, историко-этимологическими корнями связаны с прецедентными текстами, начиная с мифов и до наших дней. Представим, насколько это возможно в рамках одной статьи, историческую и неологическую прецедентность ФЕ, что, несомненно, важно при преподавании русской идиоматики в курсе русского языка как неродного.

Обращаясь к древнейшим определениям мифа, мы находим черты, указывающие на “генетическую” связь с современным понятием дискурса. Например, у Гомера *τῆνος* – это слово как противоположное делу – *ergon*, т.е. речь, рассказ, разговор, приказание и содержание, предмет речи (ср. вещь); у Платона миф определяется как и *logos* – баснословный, вымышленный или дошедший по преданию рассказ. К примеру, в ФЕ *Аргусово око* ‘книжн. неодобр. О бдительном, всевидящем стороже’, *Аргус стоокий* ‘книжн. неодобр. О всевидящем, подозрительном, неусыпно следящем за кем-л. человеке’, *глаза Аргуса* у к о г о ‘книжн. неодобр. О чьих-то зорких, подозрительных, неусыпно стерегущих кого-то глазах’ в основе фразеологического значения лежит прототипический образ стоглазого великана *Аргуса*. Смысловое восприятие прецедентного высказывания – древнегреческого мифа – через многократное повторение в определенных коммуникативно-прагматических ситуациях “обогащает, углубляет и модифицирует свое изначальное содержание. Понимание прецедентного феномена направлено не столько на дешифровку языковых знаков <...>, сколько на постижение коммуникативного замысла и иллокутивного содержания дискурса, в котором это прецедентное высказывание используется” [1, 75].

В образовании знаков косвенно-производной номинации, генетически связанных с дискурсивным пространством мифологии, участвует не столько миф, сколько мифологема – смысловорепрезентирующий персонаж или ситуация, со временем клишированные и вошедшие в общую коммуникативную автоматику. Основой смысловой структуры таких ФЕ, как *Аргусово око*, *Аргус стоокий*, *глаза Аргуса* у к о г о, является персонаж древнегреческой мифологии – “всевидящий страж” Аргус, приставленный ревнивой Герой сторожить дочь аргосского царя Ио, в которую был влюблен Зевс. Это и есть мифологема. Наличие внетекстовых аспектов прецедентности является для единицы текстовой концептосферы обязательным, поскольку, формируя концепт, прецедентный текст непременно должен быть вписан в контекст прочих ценностей данной культуры, обретя с ними ассоциативную связь. Ю.Н. Караулов отмечал, что значение преце-

дентных текстов – это показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры [4, 105-106].

Прецедентные тексты входят в коллективные общие основания. Национальный корпус прецедентных текстов является существенным элементом культурной грамотности. Прецедентный текст всегда формирует концепт. Любой текст, формирующий коллективный концепт, является прецедентным по определению. Так, концепт “Герой” вербализуется ФЕ, мифологические механизмы дискурсивно-когнитивного порождения которых связаны с древними мифами о Геракле (в Древнем мире) или Геракле (в Древней Греции), представляет собой своеобразную когнитивную парадигму “из беспрерывно повторяющихся фактов <...> Миф сбывается в человеке, и все люди обладают мифической судьбой не меньше, чем греческие герои <...> хочется даже сказать, дело обстоит противоположным образом – мифический характер жизни выражается именно в ее общечеловеческом значении” [7, 158]. Сравним ФЕ *подвиги (труд) Геракла (Геркулеса) / Геркулесов труд / Геркулесовы подвиги / Геркулесова работа* ‘книжн. Работа, требующая невероятных усилий’ *Геркулес (Геракл) на распутье* ‘книжн., чаще ирон. О человеке, стоящем перед необходимостью решительного выбора’, *Геркулесовы столбы (столпы)* ‘книжн. Предел чего-л.; крайняя точка’ и др. Креативной основой формирования смысловых структур, подлежащих косвенно-производной номинации, выступают мифы об одаренном необыкновенной физической силой Геракле (Геракле), который совершил двенадцать подвигов.

Утрате ассоциативной связи между текстом и порожденным им устойчивым выражением могут способствовать различные изменения в жизни социума, в его жизненной идеологии. Однако прецедентные высказывания как свёртки прецедентного текста продолжают жить в языке в форме ФЕ. В качестве примера можно привести ФЕ, в структуру которых входит имя античного бога. Например, ФЕ *узы (цепи) Гименя* ‘книжн. Брачные узы, брак, супружество’. *Гименей* – в древнегреческой мифологии бог брака, освященного религией и законом, в отличие от Эроса, бога свободной любви. Гименей обычно изображался с яромом, путами на ногах, символизирующими прочность брачного союза. ФЕ *храм Фемиды* ‘книжн.-поэт. высок. Суд’ восходит к имени *Фемиды* – богини правосудия в греческой мифологии. ФЕ *объятия Морфея* ‘поэт. и ирон. Сон’, *быть в объятиях Морфея* ‘поэт. и ирон. Спать’ В греческой мифологии *Морфей* – сын бога сна Гипноса, крылатый бог сновидений. Его имя стало синонимом сна. Такие ФЕ, как *дары Помоны и Флоры* ‘устар. книжн. Обилие плодов и цветов’, *Флора и Помона* ‘устар. Цветы и плоды’, *Флора и Фауна* ‘книжн. Растительный и животный мир (какого-л. региона)’ связаны

с образами богинь: *Флора* — богиня цветов, юности и весеннего цветения в древнеримской мифологии, *Фауна* — богиня лесов и полей, покровительница стад, *Помона* — богиня плодов в древнеримской мифологии. Имена богинь употребляются в выражении переносно, образно, обычно — в поэтической речи. ФЕ *быть под Бахусом* ‘шутл. Быть навеселе, пьяным’, *возлияние (поклонение) Бахусу (Вакху)* ‘устар. книжн. шутл. Попойка, выпивка’, *поклонник Бахуса (Вакха)* ‘книжн. О том, кто любит выпить’ восходят к греческой и римской мифологии: в честь бога растительности *Бахуса*, или *Вакха* (он же — бог вина и веселья у древних греков и римлян), покровителя виноградарства и виноделия, устраивались пышные празднества, которые сопровождалась бурными возлияниями. ФЕ *служитель Панацеи* ‘публ. Врач, фармацевт’ связана с образом богини *Панацея* в греческой мифологии, исцеляющей от всех болезней. Ср. современное публицистическое функционирование ФЕ *панацея от всех болезней (бед)* ‘ирон. Средство, которое может помочь во всех случаях жизни’, например: “Наивно обольщаться надеждой, что жанровое разнообразие само по себе явится *панацеей от всех бед*” (КП, 1998).

Прецедентные тексты непременно вписаны в идеологический контекст эпохи. Под влиянием изменений в жизненной идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые. Прибегая к концепту прецедентного текста, отправитель речи осознает это сам и рассчитывает на то, что это будет понятно получателям речи. Это и происходит в действительности, и, в этом смысле, проявляется тесная связь с рассматривавшимся В.Н. Волошиновым феноменом жизненной идеологии, определяемой им как “вся совокупность жизненных переживаний и непосредственно связанных с ними жизненных выражений” [3, 100]. Так, в основе ФЕ *архимедов рычаг* ‘двигательная сила вообще; самое могучее средство для выполнения той или иной задачи’ лежит определенная коммуникативная ситуация: происхождение ФЕ связывается с именем древнегреческого математика и механика Архимеда Сиракузского (ок. 287-212 гг. до н. э.). Биографы Архимеда рассказывают, что он, установив законы рычага, произнес гордую фразу: “Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю [или: и я переверну мир]”.

Жизненная идеология — стихия неупорядоченной и незафиксированной внутренней и внешней речи, осмысливающей каждое действие и состояние человека. Именно жизненная идеология вовлекает произведение в конкретную социальную ситуацию. Например, ФЕ *бочка Диогена* ‘о чем-л. символизирующем оторванность от жизни, от общества’ имеет связь с легендой о Диогене Синопском — древнегреческом философе. Сократовскую идею самосозерцания Диоген раз-

вил до идеи внутреннего аскетизма, отвергающего всякие излишества в образе жизни и считающего своим долгом сведение потребностей к крайнему минимуму. О Диогене существует ряд анекдотов: о нем рассказывают как о философе, который жил в бочке и который в ответ на обещание Александра Великого исполнить любую его просьбу попросил его отойти и не заслонять солнце. О Диогене говорят также, что он среди дня с фонарем на рыночной площади Афин искал Человека.

“В каждую эпоху своего исторического существования произведение должно вступить в тесную связь с меняющейся жизненной идеологией, проникнуться ею, пропитаться новыми, идущими из нее соками. Лишь в той степени, в какой произведение способно вступить в такую неразрывную, органическую связь с жизненной идеологией данной эпохи, оно способно быть живым в данную эпоху (конечно, в данной социальной группе). Вне такой связи оно перестает существовать, ибо перестает переживаться как идеологически значимое” [3, 100].

Под влиянием изменений в жизненной идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые. Например, сказка известного русского писателя А.Н. Толстого “Золотой ключик, или Приключения Буратино” воплощает характерное для русских древнейшее представление о чуде, символами которого выступают активно функционирующие в современном русском языке *ФЕ поле чудес* ‘место, где у каждого есть возможность стать богатым’ и *золотой ключик* ‘волшебный ключик, открывающий путь к счастью’.

На память сразу же приходят названия популярной телеигры “Поле чудес” и детского музыкального фестиваля “Золотой ключик”. Однако о *золотом ключике* часто вспоминают, когда говорят о некоем чудесном решении какой-либо сложной проблемы. Ср.: 1. “Потрясения на мировых рынках неблагоприятно сказались и на нефтяных компаниях: проекты сворачиваются, инвестиционные планы урезаются. Про *Золотой Ключик* к российской экономике вспомнили поздно” (Время МН, 1999); 2. “Но есть у *Золотого Ключика* одна тайна. Эта безделушка является для Страны Дураков пропуском в цивилизованный мир” (А. Боссарт, Защита Буратино); 3. “... На протяжении всей своей истории человечество искало <...> “потайную дверь”, открывающую дорогу к “светлому завтра”. Это уже потом, хождение по дорогам истории нашим потомкам напомнит поиск *Золотого ключика* от потайной двери” (Время МН, 1999) [2, 196]. Смысловая реализация таких прецедентных высказываний актуализирует фоновые знания прецедентного феномена – прецедентного текста и прецедентной ситуации – и связанных с ними коннотаций.

Следовательно, прецедентный текст, знакомый носителям языка, должен быть знаком и изучающим этот язык для восприятия фразеологических единиц в качестве прецедентных высказываний для восприятия положительной или отрицательной ценности и формирования коллективного концепта. Таким образом, для аудитории, изучающей русский язык как неродной, освоение русской идиоматики в аспекте прецедентности будет намного продуктивнее.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. ПротOVERбальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация / Н.Ф. Алефиренко. // *Филологические науки*. – 2002. – № 5. – С. 72-81.
2. Брилева, И.С. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: “Гнозис”, 2004. – 318 с.
3. Волошинов, В.Н. (Бахтин, М.М.) Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке / В.Н. Волошинов. – М.: Лабиринт, 1993. – 190 с.
4. Караулов, Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности / Ю.Н. Караулов // *Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. Доклад советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ*. – М.: Русский язык, 1986. – С. 105-126.
5. Костомаров, В.Г. Как тексты становятся прецедентными / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова // *Русский язык за рубежом*. – 1994. – № 1. – С. 73-76.
6. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
7. Юнг, К.Г. Попытка психологического истолкования догмата о Троице / К.Г. Юнг // *Ответ Иову*. – М.: Канон +, 2001. – С. 150-173.

В.А. Дюмина

ДИСКУРСИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АМЕРИКАНСКИХ НЕОФИЦИАЛЬНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Самарский государственный университет

Традиционно считается, что прозвища даются человеку с целью придать ему индивидуальность и выделить его из общей массы людей, однако было замечено, что только половина всех прозвищ отличается уникальностью и сохраняет эту уникальность, не пересекаясь ни в одном из своих значений с другими единицами вторичной номинации. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть особенности семантических характеристик прозвищ на конк-